

МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ СУЧАСНОЇ ГУМАНІТАРНОЇ НАУКИ

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНОГО ДИСКУРСА

Зубков Евгений

кандидат филологических наук, доцент,

Институт иностранных языков Университета Яна Кохановского
в г. Кельце (Республика Польша)

ABSTRACT

The paper focuses on terminological problems that arise during a research on the process of communication between felons. To most important we attribute the following: the lack of distinction between phenomenon and its terminological nomination, ignorance of changes in term relevance, the loss of comprehension for research object due to excessive specialization of analysis, the lack of specification for sign, language, and speech representations.

Key words: discourse, representation, observation term, descriptive term.

Celem artykułu jest przedstawienie problemów terminologicznych w badaniu procesu komunikacji w środowisku zawodowych przestępców. Odnoszą się do nich: brak zróżnicowania badanego zjawiska i jego nominacja terminologiczna, brak uwzględnienia zmian w oznaczeniu terminu, utrata zasięgu przedmiotu badawczego z powodu nadmiernej specjalizacji analizy, brak separowania znaków niewerbalnych, językowej i mownej reprezentacji.

Słowa kluczowe: dyskurs, reprezentacja, termin obserwacji, termin opisu.

Метою статті є представлення термінологічних проблем при дослідженні процесу комунікації в середовищі професійних злочинців. До них ми відносимо: нерозрізнення досліджуваного явища і його термінологічної номінації, неврахування змін у вживанні терміну, втрата обсягу об'єкта дослідження в зв'язку з надмірною спеціалізацією аналізу, нерозрізнення невербально-знакової, мовної та мовленнєвої репрезентацій.

Ключові слова: дискурс, репрезентація, терміни спостереження, терміни опису.

Исследование процесса коммуникации в среде профессиональных преступников имеет долгую историю и особую ценность представляло для органов правопорядка в их профессиональной деятельности. Это привело к составлению соответствующих словарей и пособий с различным объемом словарного массива. Слабой стороной таких наблюдений являлось отсутствие исследований психологии преступников, а также несовершенство фиксации речевого материала. С XIX века также в среде филологов появился научный интерес к этому процессу, который проявил себя в создании ряда работ и принятии все новых терминов для означивания коммуникации в среде профессиональных преступников. И.В. Арнольд справедливо заметила, что «как и в других науках,

в языкознании действуют два противоположно направленных процесса: интеграция и дифференциация. Интеграция состоит в нашем случае в том, что для уточнения своих представлений о системности мы используем данные других наук, а дифференциация — в приспособлении этих концепций к специфике языкознания на основе анализа соответствующего материала» [1:118].

Дифференциация (специализация) лингвистических исследований выражается в наличии огромного числа терминов по отношению к процессу коммуникации в среде профессиональных преступников: *условные языки, байковый язык, блатная музыка, хохумлошен, феня, арго, воровское арго, воровской жаргон, блатной воровской жаргон, криминальный жаргон, сленг, криминальный сленг, (криминальный или тюремный) социолект* и т.д. Чаще всего споры вызывает проблема терминологического разделения *арго, жаргона* и *сленга*, а также необходимость появления новых производных терминологических номинаций с целью уточнения аспектов конкретных исследований. Вопрос употребления различных терминов в зависимости от методик исследования процесса коммуникации преступников был описан в обзорной работе М.Ю. Руденко:

«В российскую науку термин *арго* активно входит в начале XX в.: в 10-е — 30-е годы XX в. он стал использоваться для наименования тайных, условных языков, отождествленных с «воровским» языком. Жаргон или *арго* (тайный язык) во многих странах называют по-разному [...] В.С. Истомин в широком значении видит *арго* как особый язык определенной ограниченной профессиональной или социальной группы, состоящей из произвольно избираемых видоизмененных элементов одного или нескольких естественных языков (это определение совпадает с трактовкой *арго*, которое приводит В.Н. Ярцева [...]) Ряд авторов (В.В. Балабин (2002), В.Б. Быков (1991), М.А. Грачев (1997), Л.А. Мильяненко (1992), У. О'Грэйди (1997), В.А. Хомяков (1980) и др.) понимают *арго* лишь в узком значении. Многие исследователи (В.А. Винник (2004), О.Т. Горбач (2006), М.Т. Дьячок (1990), Е.А. Козельская (2002), А.А. Селиванова (2008), Л.И. Скворцов (1970), Л.А. Ставицкая (2005), А.М. Трембицкий (2008), Д. Франсуа-Жежер (1968), В.В. Химик (2000), И.И. Щур (2006), Г. Эно (1965), В.Н. Ярцева (1998) и др.) воспринимают термин *арго* в широком значении, как язык определенной профессиональной или социальной группы. При этом некоторые из них (А.А. Селиванова (2008), Л.И. Скворцов (1970)) выделяют среди указанных групп деклассированные группы. [...] Слово жаргон было заимствовано русским языком из французского в середине XIX в. В лингвистический обиход термины жаргон и *арго* проникают только к началу XX в., приходя на смену терминам условное наречие, условный язык, тайное наречие, тайный язык, байковый язык, музыка и др., использовавшимся в XIX в. Определенное место среди жаргонов занимают жаргоны воровского, преступного мира. Некоторые авторы (О.С. Ахманова (1969), В.А. Винник (2004), Р.А. Спирс (1981), Ф. Толль (1864)) признают их существование наряду с другими жаргонами. [...] В конце XX в. в лингвистике появляется новый термин — интержаргон. Он формируется на границе разнообразных жаргонов. Относится к социолекту как общий жаргон, который в массовом сознании значительно ослабил связи с первичными сферами употребления, однако не утратил своей стилистически сниженной маркировки» [16: 128-133].

Как видим, М.Ю. Руденко была проделана огромная работа по анализу употребления терминов различными исследователями в зависимости от це-

лей и методологии исследований. Отметим, что может употребляться еще ряд терминов, не упомянутых в цитате выше. Несмотря о упоминаниях названий жаргона или арг (тайного языка) в разных странах: «[...] в английской лексикографии — сленг, кэнт (slang, cant), в немецкой — ротвелш (rotwelsch), в испанской — серигонза (xérigonza), хермания, в португальской — калао (calao), в голландской — баргоенс (bargoens) [...], во французской — арг и т.д. В советской лингвистике термину кэнт отвечал термин арг [...]» [там же: 128], исследователем не был замечен огромной важности момент. Проблема состоит в том, что **рассматриваемые в настоящее время как научные термины арг, жаргон, и сленг были равнозначными (взаимосоответствующими) терминами, взятыми исследователями при наблюдении над речью преступников** в различных языковых пространствах и временных отрезках. Процесс терминологической номинации был вызван рассмотрением исследователями одного из аспектов коммуникации в специфичной среде, а также фиксацией новых, на их взгляд, словоупотреблений и ментальных моделей. Это приводило к все большей терминологической дифференциации, зачастую без интеграции результатов, полученных в иных областях науки. Особенно важным является то, что **фиксации в языке предшествовала фиксация в речи**.

Наилучшим способом показать эту идею является рассмотрение особенностей анализируемого материала. При анализе процесса коммуникации в среде профессиональных преступников нет нужды доказывать, что **первичным материалом исследовательского анализа является как речь преступников, так и их невербальное поведение**. Даже опытный и талантливый исследователь с разной степенью успешности фиксирует слова в речи преступников, и уже потом такая речевая фиксация становится частью лингвистических исследований и предметом языкового анализа (особенно в диахроническом аспекте). За искажениями при фиксации речевого материала последует ошибочная интерпретация при языковом анализе в диахроническом аспекте.

Наблюдение над невербальным поведением преступников предусматривает два варианта фиксации: употребление уже имеющейся номинации (как правило, из речи преступников), или же описательный вариант (средствами описывающего языка). Рассмотрим пример фиксации позы, по которой профессиональный преступник сразу же узнает своего: «Поза **сидеть на корточках** для человека русской культуры не характерна. Между тем, на корточки любят садиться не только отдельные люди или группы людей, но даже целые народы [...]» [8: 191]. Мы видим описание средствами русского языка, но нам неизвестна номинация такой позы в речи преступников. Заметим, что номинация будет такой же: «Он все так же **на корточках**, а в зубах **папирочка**», но в несколько ином визуальном исполнении [5]. При описании данной позы в среде профессиональных преступников средствами литературного языка необходимой будет добавка: **сидеть на корточках опершись на всю стопу**. В данном случае мы будем иметь дело с **жестовым конвенциональным знаком** [8: 188], который может стать предметом лингвистического анализа лишь при наличии соответствующей номинации. Можно провести лингвистический анализ при отсутствии такой номинации, например при очень детальном анализе иных номинаций: «**этапирование**», «**пересылка**», «**трюмление**». Мы не видим формальных и смысловых связей между жестовым конвенциональным знаком и приведенными словами, употребление которых уже давно вышло за рамки среды профессиональных преступников. В таком случае необходимым

будет установление причин принятия такой позы, что потребует **интеграции данных иных наук: медицины** (длительное сидение на холодной поверхности вызывает различные воспаления), **истории** (при «*этапировании*» в первой половине прошлого века заключенные на платформе в ожидании вагонов должны были находиться в сидячем положении, что затрудняло побег), **криминологии** (при «*пересылке*» заключенный переводится в другое исправительное учреждение, и попадая в камеру ночью, он может ждать до утра, чтобы ему указали свободное место. В случае «*трюмления*» для нарушителей режима исправительного учреждения может отсутствовать возможность присесть в камере с утра до вечера). Важным является то, что жестовый конвенциональный знак в процессе коммуникации при отсутствии номинации **выходит за рамки исследований языка и речи**.

Более интересным примером, показывающим необходимость **интеграции** данных других наук (разумеется, с **последующей дифференциацией**) является жест «зуб даю», имеющий «[...] форму, сходную с английским жестом Елизаветинской поры **грызть ноготь** [...] Английский жест в XVI-XVII веках был жестом оскорбления [...] в Италии сходной формой выражают презрение или отвращение [...] в некоторых странах арабского мира та же форма означает «у меня совсем нет денег»» [8: 293]. В этой части исследования мы не будем вступать в дискуссию относительно трактовки шекспировского текста и качеств его перевода (исследователь использует текст перевода), на чем и строится предположение об оскорбительности жеста (в России «*блатной*» тоже «*зуб даст*», что денег нет). Этот жест является одним из элементов базового перформатива уголовного дискурса, т.н. «*Воровского Слова*» [6]. В приведенном примере нас интересует способ языковой репрезентации жестового конвенционального знака: он описателен, а для различения русского и английского жестов исследователь использует средства литературного языка («*грызть ноготь*») и словоупотребление из речи преступников («*зуб даю*»). Заметим, что в различной языковой среде (с соответствующим выражением в речи при пробе объяснения интенции) данный знак будет нести иную информацию. Для полноты объяснения уместным будет упоминание о способе «грызть ноготь»: классический способ «*дать зуб*» как элемент «*Воровского Слова*» предусматривает щелчок ногтем по внутренней стороне зуба (ноготь от себя), тогда как люди, для удобства, обычно (хотя не всегда) грызут ногти иначе (ноготь к себе).

Среда использования жестового конвенционального знака (по нашему мнению, любого знака вообще) может предопределять его форму, а также вид и способ его номинации. Как пример возьмем жестовые конвенциональные знаки «*коза*» («*корна*» в речи профессиональных преступников) и «*магаданская вилка*». Эти жестовые знаки различаются между собой углом поворота кисти руки, что вызвано их употреблением. Этот жест применялся античными ораторами в начале речи, верующим христианам он известен по иконам, в том числе как предохраняющий от зла (и в такой связи нельзя называть его «*козой*»), в различных музыкальных субкультурах он называется «*рокерской козой*» и выражает одобрение. В процессе коммуникации в среде профессиональных преступников этот жест используется как предохраняющий от зла [4: минута 16.21.]. Иной поворот кисти руки позволяет использовать этот жест как один из вариантов «*магаданской вилки* с целью агрессии: «*Все по кичам-шизнякам, да шибал рога быкам, да магаданской вилкой по шнифтам*» [10]. Классический вариант *магаданской вилки*, как и способ защиты от него, представлен в

фильме «Иван Васильевич меняет профессию» [11: минута 21.21]. Как видим, имеются различные жестовые знаки, отличающиеся **конвенцией**, т.е. **средой использования и интенциями**. Они могут стать предметом лингвистического описания уже после их фиксации. Заметим, что **фиксируется сначала знаковая, потом речевая, а уже после языковая репрезентация жестового знака, которые находятся во взаимной связи** согласно функционально-прагматической теории языкового (лингвосемиотического) опыта [14].

Процесс фиксации может быть затруднен отсутствием инструментария для анализа: необходимостью вовлечения других наук, выходящих за рамки лингвистики, для учета иных, чем языковые, средств передачи информации. Например, для прояснения жеста «коза» («*корна*») используется также народная этимология со словоупотреблением «*распальцовка*». «*Распальцовка*» является одной из номинаций для интернационального языка жестов преступников, а «*корна*» является лишь одним из жестовых конвенциональных знаков этого языка. Но для такого утверждения необходимо сигнальное обучение «*распальцовке*» с возможным речевым описанием на одном из языков (русском, польском, немецком и т.д.). Еще одним интересным примером могут быть татуировки и их знаковая, языковая, и речевая репрезентации. Интересными случаями процесса передачи информации в среде профессиональных преступников являются т.н. «*телеграф*», «*бестужевка*» («*тукование*»), «*грипсы*» и т.д. Речь идет о шифровании сообщений в письменной и бесписьменной форме при помощи математического абстрагирования (с симметричной и асимметричной заменой и перестановкой букв алфавита) [7]. В таком случае наблюдается ряд иных, чем языковые и речевые, закономерностей. Мы не затронули темы отличий в прохождении некоторых ментальных процессов у преступников и законопослушных граждан, а также их выражение в различных способах т.н. «отталкивания от общего языкового ряда», т.е. подразумевания, иносказания, намек при использовании «словесных знаков и формальных категорий [...] в нескольких языковых типах [...] в иной функции в силу принадлежности к разным системам речи» [12: 188].

Все вышеизложенное показывает, что для анализа процесса коммуникации в среде профессиональных преступников необходим выход за пределы дихотомии языка-речи и учет также знаковой репрезентации. Поэтому наиболее уместным, на наш взгляд, является применение термина **уголовный дискурс**. Феномен дискурса мы понимаем, вслед за О.В. Лещаком, как пространственно-временной и информационный континуум, который сосредоточивается вокруг текста (или набора текстов) в процессе его (их) создания или воспроизведения по определенным принципам лингвосемиотической системы (кода) в границах определенного функционального типа деятельности (в нашем исследовании преступной), основанной на определенного рода опыте [13: 34]. Такой подход позволяет нам функционально выделить знаковую, языковую и речевую репрезентации в опоре о парадигму [14: 12], когда, в зависимости от прагматики дискурса, выделяются взаимосвязанные: прагматика кода (т.е. обоснование семиотической системы моделей дискурсного поведения) и прагматика речи (т.е. обоснование выражения этих ментальных моделей языковыми средствами в речи) на основе системности и актуальности информации. Более того, подобное разделение позволяет нам, в случае необходимости, учитывать различия между знаком в языке и знаком в речи, привлекая также анализ иных репрезентаций. В концепции О.В. Лещака они находятся во взаимных зависи-

мостях: семантика в коде и семантика в речи, форма в коде и форма в речи [там же] .

При исследовании уголовного дискурса с целью интеграции данных, описанных при помощи узкоспециальных терминов (как следствие дифференциации, иногда излишней), мы считаем уместным, вслед за В.В. Петровым, предложить разделение терминов, употребляемых по отношению к процессу коммуникации в среде профессиональных преступников, на **термины наблюдения и термины описания**. В.В. Петров справедливо отметил, что «[...] термины языка науки состоят из терминов наблюдения и теоретических терминов. Язык наблюдения, формулируемый из исходных терминов наблюдения, предполагается непроблематичным и свободным от каких-либо теоретических допущений. Отношения между теоретическими терминами и терминами наблюдения выражаются посредством «интерпретативных предложений», «координативных определений», «правил соответствия». [...] В рамках другой влиятельной тенденции в логике науки — инструментализма — предполагается, что все проблемы теоретических терминов можно свести к вопросам их эффективного использования и функционирования [...]» [15: 9]. Во избежание путаницы, для обозначения «теоретических терминов» в концепции В.В. Петрова мы предлагаем употреблять номинацию *термины описания* в том же смысле. Особую важность именно такая номинация представляет для рассмотрения сравнительно-исторических описаний в связи с «идеей о множественности указания термина», когда «при переходе к последующей теории референция термина уточняется» [там же: 47]. Иными словами, при рассмотрении ряда научных источников XIX века мы должны учитывать, что исследователи оперировали терминами своего времени и не всегда могли и пытались осмысливать различия между ними. Это несколько не умаляет их заслуг и ценности полученных ими результатов и позволяет нам опираться на их взгляды, подходя к ним критически с точки зрения современного уровня знаний.

Тенденция использования интересующих нас (различных с точки зрения описания в современном языкознании) терминов наблюдения в том же или очень похожем смысле, характерна для огромного количества работ (не только научных), касающихся коммуникации преступников на русскоязычном пространстве. Работам XIX и первой половины XX веков (до соссоровского разделения языка и речи) свойственно, с современной точки зрения, **использование терминов наблюдения и описания взаимозаменяемо**. Например: «У воров и мошенников существует своего рода условный знак (*argot*), известный под именем «музыки» или «байкового языка». Этот язык, между прочим, представляет много интереса и в физиологическом отношении. В нем, кроме необыкновенной образности и лаконической сжатости, отличительных качеств его, заметен сильный наплыв слов, звучащих неславянскими звуками» [9: т.1, 70]. Эти строки были написаны тонким наблюдателем В.В. Крестовским, изучавшим преступный мир методами, в современности называемыми «контактными исследованиями». Как видим из цитаты, В.В. Крестовский интуитивно чувствует необходимость разделения языка и речи (язык преступников представляет интерес в «физиологическом отношении»), а также дихотомии язык-речь и системы знаков, что проявляется в словоупотреблении «условный знак (*argot*)».

В качестве примера приведем также фундаментальную работу П. Н. Тиханова и ряд его наблюдений над способами сокрытия передаваемой информа-

ции, которые продолжают употребляться в уголовном дискурсе и в настоящее время: «Бедный и составленный исключительно про свой немудрый обиход, язык старцев, нищих, калек-перехожих напоминает собою другие такие же языки, наприм. ближе всего жаргон офеней, прасолов, лаборей. и проч. Последние говорят всегда малорусским наречием, и, кроме того, имеют еще свой особый язык, на котором разговаривают между собою в дороге, перед чужими. [...] К этой же категории жаргона (или вернее — арго) надо отнести и условный язык, сделанный из языка обыкновенного. [...] Следует сказать, что язык *argot* не настолько богат, чтобы на нем существовали непременно все выражения[...]» [18: 48-56]. Как видим, Тиханов применяет термины наблюдения и описания взаимозаменяемо: *арго* («язык *argot*») является *категорией жаргона и условным языком*, наблюдается также проба разделения языка и речи («*говорят всегда малорусским наречием и ... имеют еще свой особый язык*»). Необходимо заметить, что применение термина «*условный язык*» П.Н. Тихановым в конце XIX века вполне обоснованно, поскольку им рассматриваются различные виды стеганографии и криптографии, в том числе коды перестановки и шифры, выходящие за рамки дихотомии языка-речи, т.е. «придуманные письмена [...] так называемая литорея, тарабарская грамота (азбука)» [там же: 62-79].

Разделение терминов наблюдения и терминов описания является важным также при критическом подходе к современным авторитетным источникам, особенно когда их авторов интересует само явление (процесс коммуникации в среде профессиональных преступников), а не способы его терминологического описания. В данной связи интересен взгляд признанного знатока процесса коммуникации в среде профессиональных преступников А.А. Сидорова (Фимы Жиганца) [17]. А.А. Сидоров в своем исследовании «русского уголовно-арестантского арго» употребляет термины *язык* и *речь* взаимозаменяемо, так же как *арго*, *жаргон*, «*феня*», «*блатная музыка*» и т.д., причем рассматривает процесс проникновения арготизмов/жаргонизмов за пределы среды профессиональных преступников (т.е. криминальный сленг в терминах описания в современном языкознании, хотя в терминах наблюдения первоначально слово *сленг* имплицировало прямое отношение к криминалу). Наличие таких видимых противоречий в исследовании, т.е. герметичность словоупотребления и, в то же время, выход смыслов словоупотреблений за пределы среды профессиональных преступников с попаданием в литературные источники, было описано М.А. Грачевым с использованием терминов *арго* и *язык деклассированных элементов* при контекстуально-диахронической привязке (в качестве примеров) таких терминов наблюдения, как *язык дна*, *музыка*, *блат*, и «*феня*». Мы видим **активное употребление** в научном описании **терминов наблюдения, т.е. сохранение** в научном метаязыке **словоупотреблений из речи преступников**. Грачев доказывает, что преступники могут прибегать к арготизмам в одних ситуациях, но в других ситуациях могут и не прибегать: арго становится предметом языковой игры в литературе и известно сотрудникам правоохранительных органов, но это не мешает преступникам дальше пользоваться устойчивым его «костяком», поскольку преступные действия в большинстве своем направлены против законопослушных граждан [2: 51-53]. Для целей нашего исследования наиболее интересным является утверждение, что «арго мыслит не понятиями, а образами, оно больше воздействует на чувства, чем на разум» [там же: 55]. Заметим, что при лингвистическом анализе Грачевым также используются термины *бижаргон* (жаргонно-арготическая лексика, используемая

несколькими социальными группами) и *социальный диалект* (условный язык с целью социального обособления) [3: 66-67], но их использование вызвано упоминанием о нетождественности терминов наблюдения и терминов описания. Разумеется, когда работы М.А. Грачева используются не лингвистами, а историками и юристами, происходит смешение терминов описания с терминами наблюдения, поскольку обе категории интересующих нас с точки зрения языкознания терминов в других науках могут стать терминами наблюдения. Происходит это потому, что исследователей-неязыковедов будет интересовать само явление, а не способы и причины (зачастую не имеющие отношения к их исследованиям) употребляемых в современной лингвистике терминологических номинаций.

Подытоживая, мы считаем нужным указать на следующие проблемы при исследовании уголовного дискурса:

1) дифференциация (специализация) лингвистических исследований выражается в наличии огромного числа терминов по отношению к процессу коммуникации в среде профессиональных преступников, поскольку исследователи рассматривают какой-либо из аспектов коммуникации в замкнутой и достаточно специфичной среде. Зачастую, не принимается во внимание нетождественность знаковой, языковой и речевой репрезентаций;

2) излишняя дифференциация приводит к тому, что не разделяется исследуемое явление и терминологическая номинация, поскольку большинство научных исследований представляет собой как раз анализ явления с точки зрения какой-либо теории, методологии или школы с применением уже устоявшейся терминологии. По этой причине могут не учитываться изменения «указаний» терминов в ходе научного развития теорий;

3) проблемам преступности посвящены работы из различных областей знания: юридических, психологических, исторических, лингвистических и иных дисциплин, каждая из которых использует собственные методологии исследования в определенном аспекте. Это указывает на необходимость интеграции полученных результатов для исследования процесса коммуникации как комплексного явления, т.е. как дискурса, а не арго, жаргона, сленга и т.д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арнольд И. В. *Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды* // Вопросы языкознания. — М.: Наука, 1991. — Вып.3, с. 118-126.
2. Грачев М.А., *По фене ботаю — тюрьму схлопотаю* // Русская речь. — М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова 1993. — №.3, с. 51– 56.
3. Грачев М.А., *Социальные диалекты в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — Нижний Новгород: Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, 2013. — № 6(2), с. 64-68.
4. *Джентельмены удачи*. Реж. А. Серый, худ. рук. Г. Данелия. Мосфильм 1971.
5. Заря А., *Вася Корж*, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=0k2DwucxGfY>
6. Зубков Е.А., *Некоторые особенности принесения обещания в уголовном дискурсе (часть первая). Субстратные формы* // Вестник Новгородского государственного университета: серия Гуманитарные науки. — Великий

- Новгород: Новгородский государственный университет, 2013. — № 72, с. 97-100.
7. Зубков Е.А., *Некоторые способы сокрытия информации в уголовном дискурсе и применение АСК-анализа* // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — Краснодар: КубГАУ, 2015. — № 110 [Электронный ресурс]. Режим доступа: ej.kubagro.ru
 8. Крейдлин Г. Е. *Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык*. — М.: Новое литературное обозрение 2004. — 584 с.
 9. Крестовский В.В., *Петербургские трущобы (книга о сытых и голодных)* в 2-х томах. — Л.(СПб): Изд. Художественная литература 1990. т.1 — 702 с., т.2 — 799 с.
 10. Круг М., *После третьей ходки*, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=oe4NRTpZDO4&index=5&list=PL5-Ki0blmm-KbclO_r9FP_TJeumyvQsCbc.
 11. *Иван Васильевич меняет профессию*. реж. Л. Гайдай. Мосфильм 1973.
 12. Ларин Б.А., *История русского языка и общее языкознание: Избранные работы*. — М.: Просвещение, 1977. — 224с.
 13. Leszczak O., *Lingwosemiotyka kultury. Funkcjonalno-pragmatyczna teoria dyskursu*. — Toruń: Изд. Adam Marszałek, 2010. — 415 с.
 14. Leszczak O., *Funkcjonalna i pragmatyczna perspektywa tekstu w analizie dyskursywnej (szkic metodologiczny)*// Studia Methodologica. — Тернополь: Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка, 2016. — Вып. 43, с. 6-13.
 15. Петров В.В., *Семантика научных терминов*. — Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. — 128с.
 16. Руденко М.Ю., *Исследование арго, жаргона и сленга: вопросы терминологии* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2016. — № 5(59): в 3-х ч. Ч. 3, с. 127-134.
 17. Сидоров А.А., *Из истории русского уголовно-арестантского арго* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lib.ru/NEWPROZA/SIDOROV_A/argo.txt_with-big-pictures.html
 18. Тиханов П.Н., *Черниговские старцы: Псалки и криптогlossон* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.br-vestnik.ru/tihanov/heritage/startsi/>